

Ф. А. КОНИ

16 августа 1841. Ярославль

16 августа 1841 года. Ярославль.

Считаю излишним, почтеннейший Федор Алексеевич, оправдываться перед Вами в тех клеветах, которые, как я догадываюсь, сообщены Вам обо мне одним моим хорошим приятелем.¹ Человек, которому бог не дал ни ума, ни таланта и который нечаянно попал в круг, где эти вещи необходимы, — по необходимости избрал средство, которым и держится покуда в этом кругу. Сметнув сначала из того, что я хотел иметь корректуру «Л(итературной) г(азеты)», что я ему могу быть вреден, он всячески старался подружиться со мной... Я тогда понял цель этой дружбы... Он же старался вооружать меня всячески против Вас, а Вас против меня. Для этого он избрал самое хитрое средство. Еще в прошлом году он распускал нелепые слухи, что редактор «Пантеона» л, а не Вы, что я пишу Вам статьи и поправляю Ваши...² Расчет его был самый верный: если б эти слухи дошли до Вас, то, разумеется, Вы бы подумали, что распустил их я, а этого только ему и нужно было, чтоб вооружить Вас против меня. Много подобных вещей делал он... Я все понимал, все видел и молчал до времени... Если бы Вы знали историю с запиской на Воленкампа³ и то, в каком смысле последствия ее были распущены по городу. Вы бы, может быть, несколько поняли, что это за человек и что говорит он об Вас за глаза. Напрасно Вы думаете, что я кричал по городу и жаловался на Вас касательно неплатежа денег. Необходимость заставила меня, по совету К. Е. Вельсбер-га, прибегнуть к А. А. Краевскому,⁴ у которого я и был на даче вместе с ним. Ему я действительно сказал, что Вы остались мне должны и дали записку, — больше ничего, уверяю Вас. Неполучение от Вас ответа, болезнь моей матери и другие семейные обстоятельства заставили меня вторично прибегнуть к Андрею Александрову. Тогда я рассказал ему мое затруднительное положение, а касательно наших отношений с Вами сказал только, что Вы меня даже не удостоили ответом на письмо, в котором я просил денег... Человек не бог. Досада, огорчение и вообще обстоятельства, в которых я тогда находился, может быть, действительно заставили меня сказать что-нибудь против Вас нашим общим знакомым, в чем я и прошу у Вас прощения. Но клянусь богом и честью, что все, что я говорил, касалось только личных наших отношений и нисколько не касалось, как Вам внушили, Вашего доброго имени. Я хочу объяснить Вам все откровенно... Один только раз в жизни сказал я об Вас несколько резких слов, но и ими, если б Вы их слышали, могла бы оскорбиться только Ваша гордость; Ваше доброе имя, Ваше благородство, очень хорошо мне известно, я всегда считал священной обязанностью защищать, а не унижать, потому что никогда не забывал, как много Вам обязан... Да и для чего, скажите, стал бы я скрываться перед Вами?... Если б я желал Вам зла, я бы мог действовать открыто... Но самые эти строки доказывают, что я не враг Вам. А на язык я, кажется, не до такой степени невоздержан, чтоб, из одной страсти к болтовству, стал говорить где только можно дурное... и об ком же!.. Неужели Вы почитаете меня до такой степени испорченным и низким.. Я помню, что был я назад два года, как я жил... я понимаю теперь, мог ли бы я выкарабкаться из сору и грязи без помощи Вашей... Я не стыжусь признаться, что всем обязан Вам, — иначе бы я не написал этих строк, которые могли бы навсегда остаться для меня уликою. Постараюсь объяснить Вам еще несколько данных (т. е. моих слов и поступков), к которым, как я догадываюсь, привязались клевета и злословие, чтоб очернить меня перед Вами. Я не скрывал и перед Вами некоторого неудовольствия и нерешительности касательно письма моего против Межевича;⁵ это происходило оттого, что я в этом деле руководствовался не самим собою, а внушениями других. Я был под влиянием этих внушений, когда до меня дошли слухи о известной Вам ошибочной ссылке на «Полицейскую) газ(ету)»,⁶ и на вопрос А. А. Краевского, как это случилось, сказал ему, что большую часть этого письма писали Вы сами и что автор не может отвечать за то, что заблагорассудится вставить в его статью редактору. Не знаю, как это передали Вам, но догадываюсь, что с помощью сплетней из этого можно было сделать многое. Вот еще данная. Зная страсть моего приятеля к сплетням, я шутя рассказал ему и другим, что был у Булгарина, рядился с ним и прочее). Ничего этого не было, уверяю Вас честным словом, но всему этому поверили, и я уверен, что все это передали Вам с большими прибавлениями. Еще был у нас разговор с Анд(реем) Александровичем) (Краевским) о «Литературной газете», который заключался в том, что «Лит(ературная) газета)» и при Вас с некоторого времени несколько страдала от переводных статей и что теперь без Вас она совершенно сделалась иностранною газетою на русском языке. Тут был третий, — из этого также много можно было

сделать искусному сплетнику. Я не считал нужным таить этого мнения: иначе бы я не написал его в письме к Вам,⁷ в котором предлагал также известные условия. Не корысть была причиною этих условий, а, поверьте, желание быть сколько я могу полезным «Л(итературной) газ(ете)»; условия, на которых до того я работал у Вас, были мне гораздо выгоднее. Я мог писать сколько хочу и притом когда хочу, а не когда нужно газете, что хочу, а не то, в чем более есть нужды. Чего бы для меня лучше... Но я видел, что от этого я не столько полезен газете, сколько бы мог, и добросовестно решился связать самого себя условиями... Вы поняли мое предложение в другом смысле... Что делать. В «Пантеон» я обязался написать 12 листов в год и исполнил бы обещание, если б занимался целый год. Денег по моему расчету за вышедшие книжки я не взял ни гроша больше следующих по условию. За то, что вместо 4-х листов я написал 3, я прочел 43 листа корректуры, тогда как треть издания должна ограничиться 30-ю, по условию; притом я ходил в бенефис на свои деньги.⁸ Впрочем, я с удовольствием готов отдать в «Пантеон» эти водевили⁹ и так, если по возвращении моем в Петербург должность при «Пантеоне» будет возвращена мне на прежних условиях и если в виде займа Вы дадите А. М. Наумову 150 рублей на выкуп известной Вам вещи моей.¹⁰ Денег я решительно не имею, а за эти полтора ста рублей в непродолжительном времени пришлю Вам два печатных листа для «Л(итературной) г(азеты)»,¹¹ если Вы еще удостоите принять мой труд в свою газету... Это последнее одолжение, которого я осмеливаюсь просить у Вас; это последний расчет мой с Вами, если мое искреннее, добросовестное изложение дела и признание во всех гресех моих не победит в Вас неудовольствия ко мне и если Вы по-прежнему будете верить сплетням и клеветам, распускаемым обо мне моими приятелями. Совесть моя спокойна: я рассказал Вам все, как было... Выводите заключения, какие Вам будет угодно... Не думайте также, чтоб какие-нибудь расчеты побудили меня к этому письму. Положение мое теперь таково, что мне собственно для себя незачем торопиться в Петербург; присутствие мое дома гораздо нужнее. Мать моя умерла за три дня до моего приезда,¹² отец мой постоянно болен; братья¹³ еще малы; все это могло бы удержать меня здесь надолго, но дело в том, что здесь мне скучно и я готов возвратиться в Петербург при первой видимой возможности существовать там безбедно. Теперь о «Звонаре».¹⁴ По совету Вашему, я, с помощью одного моего приятеля, переделал весьма плохой перевод этой драмы. Желая получить какое-нибудь вознаграждение за свой труд, я продал эту драму на бенефис Толченова¹⁵ за 200 рублей, предоставляя мою переделку «Пантеону» безденежно. Но я слышал, что Вы этим недовольны, а потому вместе с сим же письмом я пишу к Толчено-ву,¹⁶ что Вы, имея более моего прав на эту драму, не желаете, чтоб она была дана, а потому прошу его переделку мою уничтожить и приискать себе для бенефиса что-нибудь другое, что он и сделает, потому что денег я еще не получил. Этим я надеюсь совершенно успокоить Вас касательно «Звонаря». Кстати, о Толченове. В его же бенефис пойдет мой водевиль в двух актах («Рыжий человек»),¹⁷ который я обещал ему написать за 200 руб(лей) и получил 50 рубл(ей) задатку. Я его скоро пришлю; если он Вам понравится, то я тоже с удовольствием уступлю его «Пантеону». Рукописи Ваши все, какие только у меня были, я приказал отнести к Вам... Книги, о которых Вы упоминаете, будут доставлены к Вам Наумовым. Если

Вы раздумаете лишить меня 200 рублей (из которых, пожалуй, половину я готов принять в уплату моих будущих трудов), то уведомьте об этом Толченова, которого сын, вероятно, и сам зайдет к Вам.

Я не буду до той поры спокоен, пока не получу ответа на это письмо; надеюсь, что оно хоть немного оправдает меня в глазах Ваших, чего я душевно желаю, потому что искренно уважаю Вас и боюсь, если Вы будете обо мне дурного мнения. Кой в чем я и виноват, но, клянусь честью, я не сделал ничего такого, чтоб могло повредить Вам или чувствительно оскорбить Вас. Пусть бог судит того или тех, кто так удружил мне. Притом Вы, кажется, достаточно знаете мой характер... Ну неужели я мог дойти до того, каким Вам меня представили... Ради бога, ответьте мне... Нужды нет, если бы это было и последнее сношение между нами. Хоть ругайте, да отвечайте... Извините еще, что я оставил Вам тогда несколько грубое письмо:¹⁸ право, я думал, что вправе на Вас сердиться.

Весь Ваш

Н. Некрасов.

Мой адрес: В Ярославле, на углу Стрелецкой улицы, в доме Чепахина.¹⁹

Примечания

Подлинник: ИРЛИ, N° 2487, л. 3—4.

Впервые: Евгеньев, с. 105—110.

Ответ на не дошедшее до нас письмо Кони.

¹ О ком идет речь, установить не удалось.

² Ср. призыв В. С. Межевича к Некрасову в рецензии на водевиль «Шила в мешке не утаишь...»: «Смелее, г-н Некрасов! Идите своей дорогой; зачем вам покровительство людей, которые едва ли сами не нуждаются в вашем покровительстве, в вашем таланте, по крайней мере ведь это знают все, читавшие „Пантеон” и „Литературную газету”» (СП, 1841, 20 мая, N° 108, с. 431).

³ О чем идет речь, установить не удалось.

⁴ Ср. п. 3.

⁵ Имеется в виду открытое письмо Некрасова «В редакцию „Литературной газеты”» (см.: наст, изд., т. XIII, кн. 2, с. 5 и 391).

⁶ Ср. п. 3.

⁷ Это письмо неизвестно.

⁸ Как театральный обозреватель «Пантеона» Некрасов должен был посещать спектакли в Петербургских театрах за счет редакции журнала.

⁹ См. п. 3.

¹⁰ Ср. п. 5.

¹¹ Публикации Некрасова в «Литературной газете» августа—декабря 1841 г. неизвестны.

¹² Судя по данным комментируемого письма и другим документам, события, связанные с поездкой Некрасова в Ярославль, происходили в такой последовательности: в начале 20-х чисел июля 1841 г. поэт выехал из Петербурга в Ярославль; по пути он останавливался в Москве для свидания с Кони и получения у него причитающихся за работу в «Литературной газете» и «Пантеоне» денег. Некрасов, очевидно, не застал Кони дома и оставил ему упоминаемое в конце комментируемого письма и неизвестное нам «несколько грубое письмо». Некрасов приехал в Ярославль не позднее 26 июля 1841 г. Это подтверждается следующим документом, хранящимся в «Деле дворянского рода Звягиных, внесенного во 2-ю часть дворянской родословной книги»:

«Свидетельство о состоявшемся в Ярославской градской Воскресенской церкви 27 июля сего 1841 года браке подполковника, служившего в 3-м учебном карабинерском полку Семена Григорьевича Звягина с дочерью майора Алексея Сергеевича Некрасова девицей Елисаветой. В метрических тетрадах означенной церкви значится:

Вступившие в брак подполковник, служивший в 3-м учебном карабинерском полку Семен Григорьев Звягин и ярославского помещика майора Алексея Сергеева Некрасова дочь Елисавета Алексеевна, оба православного исповедания, и сочетались первым браком; жених 39 лет, а невеста 20-ти. Таинство брака совершил священник Илари- он Тихомиров с диаконом

Тимофеем Андреевым и дьячком Александром. Поручителями были: со стороны жениха титулярный советник Михаил Степанов Скрипицын и лекарь Карл Карлов Шенберх; со стороны невесты дворянин Николай Алексеев Некрасов и 3-го учебного карабинерского полку капитан Философов, о чем выпискою из метрических тетрадей сим свидетельствует воскресенский священник Иларион Тихомиров» (ГАЯО, ф. 213, оп. 1, № 1504, л. 14).

Очевидно, сразу после свадьбы 28 июля 1841 г. Некрасов вновь вернулся в Москву для встречи с Кони. Мать поэта Елена Андреевна скончалась 29 июля, «за три дня» до его второго приезда в Ярославль (он приехал, таким образом, 2 или 3 августа 1841 г.).

¹³ К. А. Некрасов и Ф. А. Некрасов.

¹⁴ Драма в четырех действиях под этим названием напечатана в № 9 «Пантеона» 1841 г. за подписью «Ф. Неведомский» (псевдоним Ф. М. Руднева). Перевод этого произведения Ж. Бушарди («Le Sonneur de Saint—Paul». Paris, 1838) был осуществлен неизвестным автором, очевидно, по заказу Ф. А. Кони и затем передан Некрасову для обработки. Текст некрасовской обработки неизвестен. На сцене Александрийского театра эта пьеса не ставилась.

¹⁵ А. П. Толченев.

¹⁶ Это письмо неизвестно.

¹⁷ См. об этом: наст. изд., т. VI, с. 705.

¹⁸ Это письмо неизвестно.

¹⁹ Ныне — дом, расположенный на углу улиц Угличской и Некрасова. В нижнем этаже этого дома, в квартире из восьми комнат, поселились после свадьбы сестра поэта Елизавета и ее муж С. Г. Звягин.